

Жар с грохотом прокатился от шеи до кончиков ушей. Лицо стало таким горячим, будто сейчас задымится.

Ань Хэ мгновенно отвернулся и даже не заметил, как сейчас выглядел Инь Минцзюэ.

Тот был по пояс обнажён. Пот стекал с серебристых волос, проходил по широким плечам, очерченным мышцам и крепкому животу.

Солнечный свет из панорамного окна покрывал его тело тонким золотистым сиянием.

Казалось, эту фигуру выточили по идеальным пропорциям: каждая мышца ровно на своём месте, в каждом движении — поразительная мощь.

Именно о таком теле Ань Хэ мечтал всю жизнь, и сейчас оно находилось всего в нескольких шагах от него.

Но смотреть ему было совершенно некогда.

Когда человеку неловко, он всегда старается сделать вид, что ужасно занят.

Ань Хэ поспешно отвернулся, схватил приборы и уткнулся в завтрак. Он разглядывал миску, палочки, столешницу — всё, что угодно, лишь бы не Инь Минцзюэ.

Ну и завтрак... прямо-таки самый настоящий завтрак!

Белые мочки ушей покраснели так сильно, будто с них вот-вот капнет кровь.

В столовой стояла пугающая тишина. Ань Хэ слышал только собственное сердце, грохотавшее в ушах.

Когда от этой странной атмосферы он уже почти начал задыхаться, сверху раздался ровный голос Инь Минцзюэ:

— 101, пойдём со мной наверх.

Только когда двери лифта закрылись, Ань Хэ словно утка, которую наконец перестали душить, смог нормально вдохнуть.

Он очень-очень долго выдыхал, чувствуя, как уши всё ещё горят.

Ань Хэ закрыл лицо руками и беззвучно застонал.

Как же стыдно...

*

Двери лифта медленно сомкнулись за спиной, отрезая маленькую фигурку, которая в столовой уткнулась в еду.

Инь Минцзюэ прислонился к стене кабины. На серебристых волосах ещё оставалась утренняя влага, капли скользили по шее и исчезали у плеч.

101 послушно стоял у его ног. На экране включилось ожидающее многоточие — робот ждал, когда хозяин заговорит.

— О чём вы только что разговаривали? — голос был спокойным, словно речь шла о погоде.

Экран 101 засветился, и многоточие мгновенно сменилось сияющей улыбкой.

— Господин Ань Хэ очень интересуется звериной формой хозяина! Он спросил, как вы выглядите в образе белого тигра, и сказал, что больше всего любит тигров.

Робот сделал паузу, а на экране появился многозначительный подмигивающий смайлик.

— Хозяин, если вы покажете ему звериную форму, ваши отношения наверняка станут гораздо ближе. В межзвёздной сети пишут, что кошачьи — самый любимый у маленьких людей тип звериной формы, первое место в рейтинге! И господин Ань Хэ лично сказал, что больше всего любит тигров...

— Принеси ту рубашку, которую я дал ему вчера, — перебил Инь Минцзюэ. Голос всё так же оставался ровным, никаких эмоций не разобрать.

101 замер, на экране появилось два вопросительных знака.

— Хозяин хочет надеть её сегодня? Тогда 101 сначала выстирает и высушит, а потом принесёт.

— Не нужно. — Инь Минцзюэ прикрыл глаза, слегка нахмурившись. — Принеси как есть.

101 ничего не понял, но был образцовым управляющим и не подвергал сомнению приказы хозяина. Послушно ответив, он дождался открытия дверей и укатил по второму этажу.

Инь Минцзюэ вошёл к себе и сел на диван.

Вскоре чёрная рубашка оказалась у него в руках.

На ткани всё ещё сохранялся лёгкий, мягкий запах маленького человека.

Именно этот запах всю ночь успокаивал его бушующую духовную силу и впервые за очень долгое время подарил ему полноценный сон.

С тех пор как духовная сила начала выходить из-под контроля, это была самая спокойная ночь в его жизни.

Но запах на одежде не мог сохраняться вечно. За ночь Инь Минцзюэ вобрал почти всё, что осталось, а сама рубашка успела полностью пропитаться уже его собственным запахом.

Утром успокаивающее действие исчезло, и буйная духовная сила снова хлынула приливом, причём сильнее обычного.

Ему оставалось только принять звериную форму, вырваться на задний склон и бегом выплеснуть не находившее выхода беспокойство.

Если бы он не попробовал, что такое настоящий покой, эта боль ничего бы не значила.

Он терпел её годами и давно привык.

Но память тела оказалась честнее разума. Стоило хоть раз вкусить эту каплю сладости, и он будто подсел на неё: хотелось втянуть в лёгкие весь запах, оставшийся на рубашке, до последней крупинцы.

Ощущение, что он не способен полностью контролировать себя, раздражало.

Инь Минцзюэ откинулся на диван, пальцы машинально мяти чёрную рубашку.

Даже не пытаясь сознательно принохиваться, он всё равно чувствовал мягкий аромат — словно тот был живым, сам обвивался вокруг пальцев, проникал в нос и дразнил и без того чувствительные нервы.

За окном слышался лёгкий шум: маленький человек ходил по двору.

Сквозь стекло Инь Минцзюэ видел тонкую фигуру, присевшую у клумбы и разглядывающую что-то неизвестное.

Он молча смотрел некоторое время, затем поднял запястье и через звёздный терминал вызвал Лю Юньчэ.

Неожиданно связь прозвенела всего несколько раз и оборвалась.

Инь Минцзюэ слегка нахмурился. Председатель Лю не был человеком, который просто так сбрасывает чужие звонки.

И действительно — не прошло и двух секунд, как Лю Юньчэ сам перезвонил.

— Прости, Минцзюэ, — раздался его виноватый, слегка сбившийся голос. — Только что случайно нажал не туда.

И одновременно из звёздного терминала донёлся другой голос — раздражённый до скрежета зубов и полный глубочайшей обиды:

— Минцзюэ, выходной же! Ты звонишь в такую рань потому, что раса насекомых решила атаковать главную планету?

— Отойди и не мешай, — похоже, Лю Юньчэ толкнул Сян Жунчжи. Его голос тут же стал серьёзным. — Минцзюэ, ты из-за Ань Хэ? С ним что-то случилось?

Инь Минцзюэ, зверолюд, много лет проживший один, очевидно, не смог сразу понять, почему в выходной нельзя звонить после девяти утра.

Он лишь тихо отозвался:

— М-м.

Лю Юньчэ мгновенно напрягся:

— Ань Хэ опять плохо? Он только вернулся, неудивительно, что организм не сразу адаптируется. Я сейчас поеду в больницу...

— Не надо, — ответил Инь Минцзюэ, не отрывая взгляда от тонкой фигурки у клумбы.

Ань Хэ сидел на корточках возле пышно цветущих звенящих цветов и осторожно коснулся золотистого лепестка.

Тот дрогнул и издал чистый звон, похожий на звук ветрового колокольчика.

Ань Хэ испугался и отдёргнул руку, а через пару секунд снова осторожно потянулся вперёд. На лице читались удивление и детское любопытство.

Новая одежда, сшитая на заказ, сидела идеально. Светлый верх делал кожу ещё белее, а тёмные брюки подчёркивали тонкую талию и длинные стройные ноги.

По сравнению со вчерашним болезненным видом сегодня он действительно выглядел намного лучше.

— Сегодня состояние хорошее.

— Вот я и говорю, он только приехал и наверняка... Что? — Лю Юньчэ оборвался на полуслове.

— Как? Состояние хорошее?

— Да.

Зрение у зверолодей превосходное. Даже с балкона второго этажа Инь Минцзюэ отчётливо видел выражение лица Ань Хэ.

Удивление, восторг, немного детского любопытства. Солнечный свет ложился на фигуру мягким золотистым контуром.

— Тогда если с ним всё нормально, зачем ты звонишь?.. — спросил Лю Юньчэ.

Инь Минцзюэ опустил взгляд на измятую чёрную рубашку в своих руках. Некогда гладкая ткань теперь походила на старую тряпку, вся покрытая хаотичными складками.

Глаза через окно, словно у хищника, неподвижно удерживали ничего не подозревающего маленького человека во дворе.

— Древо жизни точно приняло его генетическую последовательность?

Лю Юньчэ явно не ожидал такого вопроса, но всё равно терпеливо объяснил:

— Конечно. Восемнадцать лет назад, когда родился Ань Хэ, Древо жизни уже собрало и сохранило его генетическую последовательность. После возвращения мы первым делом провели сравнение — полное совпадение с данными восемнадцатилетней давности, без единого отклонения.

Он сделал паузу и осторожно спросил:

— Минцзюэ, что тебя тревожит?

Инь Минцзюэ ответил прямо:

— Боюсь, что он шпион, которого прислала раса насекомых.

<http://bllate.org/book/19042/1906853>